

Цѣна
газеты „Недѣля“
и
„художественнаго листка“.
на 1869 годъ.
Годовая.... 12 р.
Полугодовая... 6 · 50 к.
Съ пересылкою и доставкою.
Подписка принимается въ конторѣ редакціи газеты „Недѣля“
въ С.-Петербургѣ, на Пѣническаго
моста, д. № 5—12, кв. № 37.

Цѣна
газеты „Недѣля“
безъ
„художественнаго листка“.
на 1869 годъ.
Годовая.... 6 р.
Полугодовая... 3 · 50 к.
Съ пересылкою и доставкою.
Каждый номеръ отдельно
по 15 коп.

НЕДѢЛЯ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ: Отъ редакціи. — По поводу университетскаго юбилея. — Политика. — На новыхъ началахъ *П. Г—ова*. (Продолженіе). — Отечество въ опасности. Романъ *Эрмана-Шатриана*. (Продолженіе). — Очерки изъ исторіи рабочаго сословія во Франціи. Часть вторая. *А. Михайлова*. (Продолженіе). — Объявленія.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Въ послѣднее время въ составѣ сотрудниковъ «Недѣли» произошли нѣкоторыя измѣненія, о которыхъ мы не могли до сихъ поръ довести до свѣдѣнія читателей, такъ какъ сущность этихъ измѣненій опредѣлилась окончательно лишь въ настоящую минуту. Они заключаются въ нижеслѣдующемъ: къ сотрудникамъ, имена которыхъ были напечатаны въ объявленіяхъ обѣ изданий «Недѣли» на 1869 г., присоединилось нѣсколько новыхъ, а именно: гг. П. Гайдебуровъ, В. Зайцевъ, Е. Конрадъ, В. Майновъ, А. Слыпцовъ, П. Ткачевъ и С. Усовъ. Изъ прежнихъ сотрудниковъ, гг. Минаевъ, Пятковскій, Волоколамскій, Демерть, Кушниковъ, Соколовскій и Успенскій заявили въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, что они, вслѣдствіе различныхъ перемѣнъ въ составѣ сотрудниковъ, въ «Недѣлѣ» болѣе участія не принимаютъ. Отвѣтъ редакціи на это заявленіе, напечатанный въ № 44 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и вышеупомянутый списокъ новыхъ сотрудниковъ, присоединившихся къ оставшимся прежнимъ, достаточно разъясняютъ сущность дѣла, чтобы редакція считала себя въ правѣ болѣе къ нему не возвращаться.

Въ послѣднюю недѣлю получены жалобы на неаккуратную высылку газеты «Недѣля» отъ слѣдующихъ лицъ: Гг. Булыгина въ Гатчинѣ, Квитковскаго въ Бровары, Матерно въ Гаморовичѣ, Черемисинова въ Тулѣ, Шиловскаго на ст. Никитино, Иванчина въ Воронежѣ, Засѣдателева въ Ягодномъ, Попова въ Мариуполѣ, Волохова въ Ставрополѣ, Самарскаго въ Кышиневѣ, Лимоносова въ Несвижѣ, Балканова, въ Черниговѣ, Благорѣщенскаго въ Новой Ладогѣ, Иванова въ Хвалынскѣ, Кilia въ Верро, Соболевскаго на ст. Мѣна, Архипова въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ и отъ почтовой конторы въ Одессѣ.

По всѣмъ этимъ жалобамъ сдѣланы справки, и подлинныя письма переданы для исполненія въ почтовый департаментъ. Есть основаніе думать, что въ С.-Петербургской газетной экспедиціи всѣ безпорядки, существовавшіе до сихъ поръ, будутъ устраниены, по крайней мѣрѣ тамъ замѣтна необыкновенная дѣятельность.

ПО ПОВОДУ УНИВЕРСИТЕТСКАГО ЮБИЛЕЯ.

Недѣлю назадъ происходило, какъ известно, торжество пятидесятилѣтнаго юбилея петербургскаго университета. Мы вовсе не намѣрены излагать передъ читателями безсодержательная и ничего не выражаящія подробности, которыми было обставлено это торжество. По нашему мнѣнію, мы сдѣляемъ гораздо лучше, если хоть нѣсколько пополнимъ тотъ пробѣлъ, который бросился въ глаза многимъ присутствовавшимъ на юбилеѣ и слѣдившимъ за всѣми рѣчами и поздравленіями, оглашившими залу торжества. Пробѣлъ этотъ состоялъ въ томъ, что никто изъ произносившихъ рѣчи не почтилъ воспоминаніемъ самое блестящее время въ жизни петербургскаго университета, не помянулъ добрымъ словомъ самую свѣтлую страницу его пятидесятилѣтней исторіи. Эта страница, обойденная оскорбительнымъ молчаниемъ въ день юбилея — есть время отъ 1857 до 1861 годовъ.

Чѣмъ объяснить такой странный промахъ со стороны лицъ, присутствовавшихъ на актѣ и говорившихъ рѣчи? Чѣмъ объяснить, въ особенности, этотъ промахъ со стороны составителя историческаго очерка университетской жизни, извлеченіе изъ котораго было читано на актѣ профессоромъ Андреевскимъ? Упустилъ ли изъ виду авторъ этого очерка самые счастливые годы изъ жизни университета, или умолчалъ о нихъ намѣренно? Такъ какъ первое предположеніе совершиенно невѣроятно, то приходится остановиться на второмъ: авторъ *намѣренно* выпустилъ изъ своего очерка цѣлыхъ пять лѣтъ университетской жизни, и какихъ лѣтъ! Однакожъ, эта намѣренность сдѣлается для насъ отчасти понятною, если мы вспомнимъ, что общественная молва тѣсно связала упомянутое нами время съ его заключительнымъ финаломъ, извѣстнымъ подъ именемъ «студенческой исторіи», которая послужила поводомъ къ закрытию универ-

ситета и рѣзкому перелому въ его внутренней жизни. Но гдѣ же, какъ не на торжественномъ юбилеѣ, было всего удобнѣе восстановить истинный характеръ этой «исторіи», раскрыть ея истинныя причины и торжественно заявить, что она не имѣла ничего общаго съ предшествующими годами университетской жизни, что студенты въ ней нѣсколько не виноваты? Гдѣ же, какъ не въ средѣ бывшихъ воспитанниковъ университета было всего приличнѣе *оправдать* университетъ въ глазахъ общества? Но сдѣлать это нашли почему-то неудобнымъ. Въ виду такого-то оскорбительного умолчанія, мы и считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о внутренней жизни петербургскаго университета въ периодѣ 1857—1861 годовъ.

1857 годъ, какъ непосредственно слѣдовавшій за годомъ окончанія крымской войны, былъ знаменательнымъ временемъ для Россіи. Крымская война раскрыла многія слабыя стороны нашего быта, которыхъ до того времени многіе не замѣчали: она доказала, что сила страны заключается не въ томъ, что считалось признакомъ силы до того времени; она обнаружила неосновательность нашего самохвалства, нашей самонадѣянности, и заявила о необходимости коренныхъ преобразованій. 1857 году суждено было сдѣлаться началомъ такихъ преобразованій во всѣхъ отрасляхъ нашей жизни, въ томъ числѣ — въ наукѣ и литературѣ. Журналистика начала замѣтно оживляться, книжная производительность стала увеличиваться, въ университетахъ пахнуло новымъ духомъ. Петербургскому университету пришлось стать впереди всѣхъ другихъ. Оживленіе его внутренней жизни прежде всего выразилось неимовѣрно-быстрымъ увеличеніемъ числа студентовъ; въ 1856 году ихъ было не болѣе 450, черезъ годъ эта цифра вдругъ возрасла до 700! Аудиторіи профессоровъ стали переполняться студентами, за границу отправлялись молодые ученые для будущихъ каѳедръ въ значительно увеличенномъ противъ прежняго числѣ, старые профессора почув-

ствовали необходимость относиться къ своему дѣлу серьезно и честно.

Въ это время въ средѣ студентовъ зародилась мысль — основать сборникъ, въ которомъ помѣщались бы научные труды студентовъ. Мысль эта долго разрабатывалась въ средѣ студентовъ; они обращались за совѣтомъ къ профессорамъ, входили въ переписку съ Сергеемъ Аксаковымъ и г. Пироговымъ — и отовсюду ветрчали горячую нравственную поддержку.

Министръ народного просвѣщенія охотно дозволилъ студентамъ открыть Сборникъ, профессора оказали ему полное свое содѣйствіе, а одинъ изъ нихъ, г. Никитенко, прочелъ даже публичную лекцію о значеніи предпринимавшагося сборника. Эта лекція произвела такое впечатлѣніе на слушателей, что въ университѣтѣ стали со всѣхъ сторонъ поступать горячія сочувственные письма. Вскорѣ была открыта подписка по факультетамъ на составленіе капитала для изданія Сборника, а черезъ нѣсколько времени извѣстіе о новомъ предпріятіи было напечатано въ газетахъ. Среди петербургскаго общества начали устраиваться подписки въ пользу Сборника — и скоро образовался довольно значительный редакціонный капиталъ. Государь Императоръ также изволилъ выразить сочувствіе къ предпріятію студентовъ: въ видахъ пособія редакціи, Онъ разрѣшилъ печатать первые два выпуска Сборника бесплатно въ типографіи II отдѣленія собственной канцеляріи. При такомъ всеобщемъ сочувствіи вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ Сборника. Вотъ что говорилось, между прочимъ, въ предисловіи къ этому выпуску: «Мысль соединиться въ одну дружную семью, работать совокупными силами, имѣя въ виду общій интересъ, глубоко занимаетъ насъ (студентовъ). Въ выполненіи ея мы видимъ задогъ того внутреннаго единства, которое необходимо для достижения благороднѣйшихъ цѣлей. Университетъ, по самому назначению своему, приводитъ разнообразные элементы къ единству. Это единство выражается въ томъ, что интересъ науки является главнѣйшимъ двигателемъ университетской жизни, сглаживая другіе интересы, которые могли бы повести не къ единству, а къ разладу. Въ университѣтѣ нѣтъ различія сословій и состояній: богачъ и бѣднякъ, аристократъ и человѣкъ незнатнаго происхожденія, сближаются между собою, составляютъ одну семью, ищутъ одного блага — знанія. Въ этой семье вѣрное право на уваженіе даетъ сила дарованій и постоянство благороднаго труда. Въ Сборникѣ открывается поприще для труда, и кто болѣе усиливъ употребить для общаго блага, тому и большій почетъ, и задушевная благодарность, и лучшее, долговѣчное воспоминаніе».

Но Сборникъ имѣлъ огромное значеніе въ средѣ студентовъ не только потому, что открывалъ для нихъ возможность трудиться болѣе или менѣе самостоятельно по избраннымъ специальностямъ; онъ оказывалъ имъ услуги и въ другомъ отношеніи. Благодаря существованію «Сборника», явилось болѣе тѣсное сближеніе между профессорами и студентами, съ одной стороны, и самими студентами, съ другой. Такъ какъ Сборникъ составлялъ общее дѣло студентовъ, то статьи, присужденныя къ печатанію, читались въ общемъ собраніи студентовъ самими авторами, которые должны были отстаивать свои положенія. На этихъ чтеніяхъ, кроме студентовъ, присутствовали обыкновенно профессора, ректоръ, попечитель и довольно многочисленная публика. Едва ли не эти собранія, на которыхъ бывали и дамы, послужили началомъ посѣщенія университета женщинами и вообще посторонними лицами, чѣмъ въ то время такъ гордился петербургскій университетъ.

Благодаря тому же Сборнику и упомянутымъ нами собраніямъ, между студентами явилась мысль объ устройствѣ «кассы» для вспомоществованія бѣднымъ товарищамъ. Эта мысль была занята еще въ 1857 году, хотя осуществилась нѣсколько позже. Много было написано разныхъ проектовъ, много возникало горячихъ споровъ, прежде чѣмъ студенческая касса могла открыться. Къ началу 1858 года проектъ кассы былъ разработанъ вполнѣ, приблизительно на слѣдующихъ основаніяхъ: касса состоитъ при редакціи «Сборника»;

дѣлами ея завѣдуютъ студенты-редакторы и депутаты, выбранные большинствомъ голосовъ отъ каждого факультета; они же узнаютъ о положеніи нуждающихся студентовъ и распредѣляютъ между ними пособія; бѣзъ того, при кассѣ находится особая книга, въ которой каждый студентъ можетъ заявить о своихъ нуждающихся товарищахъ; окончательное назначеніе выдачи производится въ общемъ собраніи студентовъ-редакторовъ и депутатовъ всѣхъ факультетовъ; выдачи могутъ быть опредѣлены въ видѣ ссуды или единовременного вспомоществованія. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ по кассѣ распорядители обязаны были давать подробные отчеты передъ факультетами. Капиталъ кассы составлялся изъ единовременныхъ пожертвованій и изъ сборовъ съ ежегодныхъ концертовъ, дававшихся въ залѣ университета, при участіи многихъ студентовъ. Кроме того, устраивались публичныя лекціи, литературные вечера и спектакли въ пользу кассы. Эти источники дохода были весьма значительны, что можно видѣть изъ цифры производимыхъ кассой пособій. Напримѣръ, съ 1 января 1858 года, въ теченіи полутора года, касса выдала до 12000 р. пособій, считая въ томъ числѣ и сборы съ концертовъ, которыми въ началѣ завѣдывалъ инспекторъ студентовъ; между тѣмъ правленіе университета выдало пособій въ тотъ же промежутокъ времени только на 7000 р. Уже изъ простого сопоставленія этихъ двухъ цифръ видно, какую важную роль играла студенческая касса. Десятки и сотни молодыхъ людей, вступая въ университѣтѣ безъ всякихъ средствъ къ жизни, были увѣрены, что имъ не придется сидѣть безъ пуска хлѣба, что глазъ товарища примѣтить ихъ нужду гораздо лучше, чѣмъ самая, повидимому, строгая и добросовѣстная наблюденія начальства. И если въ началѣ шестидесятыхъ годовъ цифра студентовъ петербургскаго университета доходила до двухъ тысячъ, то студенческая касса имѣла въ этомъ случаѣ огромное вліяніе.

Всѣдѣ за кассой между студентами образовалась библіотека, состоявшая преимущественно изъ періодическихъ изданій — газетъ и журналовъ. Редакціи и общество оказали и здѣсь значительную поддержку студентамъ. Отовсюду присыпалась пожертвованія книгами и журналами; многія редакціи бесплатно высыпала свои изданія. Впрочемъ, и денежный капиталъ библіотеки составлялъ значительную цифру. Учрежденіе библіотеки совпало съ наиболѣйшимъ развитіемъ русской журналистики, какого она когда либо достигала. Поэтому очень естественно, что библіотека оказывалась учрежденіемъ въ высшей степени полезнымъ для студентовъ.

Уже въ то время со стороны нѣкоторыхъ высказывались мнѣнія, что Сборникъ, касса и библіотека отвлекаютъ студентовъ отъ ихъ занятій и слишкомъ рано вводятъ ихъ въ общественную дѣятельность. Но эти мнѣнія блестательно опровергались, какъ заявленіями компетентныхъ лицъ, такъ и живыми фактами. Ректоръ университета, покойный П. А. Плетневъ, во время одного изъ годичныхъ актовъ, публично заявилъ свое несогласіе съ вышеупомянутыми мнѣніями. Онъ доказывалъ, что такія предпріятія, какъ, напримѣръ, «Сборникъ», не только не отвлекаютъ студентовъ отъ ихъ занятій, но, напротивъ, пріучаютъ къ честному, добросовѣстному труду. Факты подтверждали слова почтеннаго ректора: давно университетъ не былъ свидѣтелемъ такого горячаго сочувствія студентовъ къ профессорамъ, аудиторіи нѣкоторыхъ изъ нихъ до того переполнялись слушателями, что нужно было открывать двери въ университетскій коридоръ, гдѣ должны были стоять студенты за недостаткомъ мѣста въ аудиторіяхъ. Особеннымъ сочувствіемъ пользовались такие профессора, какъ гг. Костомаровъ, Спасовичъ, Стасюлевичъ, Кавелинъ, Пыпинъ, Сухомлиновъ и другие, которые старались вывести науку изъ области сколастики и дать ей болѣе или менѣе жизненное направление. Если же аудиторіи иныхъ профессоровъ и оставались пусты, то въ этомъ были виноваты никакъ не студенты: университетъ въ то время сохранилъ еще въ своихъ стѣнахъ такихъ профессоровъ-антропировъ, которые въ теченіи многихъ лѣтъ повторили съ каѳедры не только одинъ и тѣ же мысли, но даже одинъ и тѣ же

слова, въшедши даже въ поговорку, въродѣ того, напримѣръ: что «педагогика, какъ наука, раздѣляется на три половины; первая учитъ о воспитаніи, вторая учитъ тоже о воспитаніи, а третья учитъ тоже о воспитаніи.» Всякій студентъ понималъ очень ясно, что лекціи такихъ профессоровъ не имѣютъ никакого преимущества передъ составленными ими же записками, чтеніемъ которыхъ у себя дома они и вознаграждали непосѣщеніе лекцій.

Присутствіе свѣжихъ профессорскихъ силъ въ петербургскому университету оказывало свое дѣйствіе не только на однихъ студентовъ; аудиторіи посѣщались лицами, совершен-но не принадлежавшими ни къ числу студентовъ, ни къ числу такт называемыхъ «вольныхъ слушателей;» въ университете являлись чиновники, военные, духовные и даже женщины. Начальство университета не только не стѣснялось подобными посѣщеніями, но даже, какъ мы замѣтили выше, гордилось ими. Во второмъ выпускѣ студенческаго «Сборника» мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія строки: «живой интересъ, возбуждаемый лекціями нѣкоторыхъ профессоровъ, снялъ съ университета ту долю исключительного, изолированного учрежденія, которая тяготѣла надъ нимъ; мы съ радостію увидѣли среди себя много лицъ, не принадлежащихъ къ числу студентовъ, изъ среды всѣхъ сословій нашего отечества; различіемъ возраста, званія, пола и лицъ, посѣщающихъ лекціи, университетъ нашъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ то значение въ обществѣ, которое по праву принадлежитъ ему.»

Не входя въ дальнѣйшія подробности внутренней жизни петербургскаго университета за указанный нами періодъ времени, такъ какъ это завлекло бы насъ слишкомъ далеко, мы прямо приступимъ къ разрѣшенію вопроса: какое вліяніе на университетъ имѣли изложенные нами порядки? На этотъ вопросъ многіе положительно и не задумываясь отвѣчаютъ—«самое пагубное.» Этотъ приговоръ опирается на два факта, неразрывно связанные между собою; во первыхъ, говорять, университетъ ничѣмъ не заявилъ, что предоставленная ему самостоятельность пошла на пользу студентамъ; во вторыхъ,—что въ концѣ концовъ между студентами произошли безпорядки, вслѣдствіе которыхъ университетъ былъ закрытъ. Всѣмъ извѣстно, какое серьезное значеніе было придано этимъ безпорядкамъ; «весь городъ былъ свидѣтелемъ, замѣтила недавно одна газета, какъ университетъ былъ окружено войсками; сотни семействъ напрасно ждали въ тѣ тяжелые дни возвращенія своихъ юношъ изъ университета.» Хотя та же газета и прибавляетъ далѣе, что «эта исторія лежитъ тяжкимъ укоромъ на совѣсти многихъ лицъ, которыхъ, быть можетъ, убѣдились теперь, что они слишкомъ поторопились придать ей значеніе политического, государственного преступленія и, быть можетъ, слишкомъ усердно желали видѣть въ ней организованное политическое движение,» хотя она и замѣчаетъ, что эта «исторія» до настоящаго времени «приводитъ многихъ въ недоумѣніе,» все таки, по мнѣнію газеты, «не пришло еще время беспристрастного обсужденія этой исторіи.» Ту же самую мысль выразилъ на юбилѣѣ и профессоръ Андреевскій, упомянувшій въ самыхъ неопределенныхъ выраженіяхъ о студенческой «исторіи.»

Но почему же до сихъ поръ «не пришло еще» это время и когда, наконецъ, придетъ оно? Неужели можно считать полезнымъ—оставлять такъ долго безъ разрѣшенія эту исторію, которая, будучи извѣстна въ своихъ вѣшнихъ формахъ всему Петербургу, до сихъ поръ многихъ приводить въ «недоумѣніе;» которая породила цѣлую массу самыхъ нелѣпыхъ сплетенъ, и которая, наконецъ, отразилась такими вредными результатами на университете, что онъ «до настоящаго времени не можетъ еще оправиться, не можетъ привести нѣкоторые изъ своихъ факультетовъ въ прежнее извѣтшее положеніе.» Неужели такая исторія не заслуживаетъ самого беспристрастного разрѣшенія?

Но подобное разрѣшеніе представляется намъ особенно важнымъ въ томъ отношеніи, что общественная молва свинзала эту исторію съ тѣми порядками университетской жизни, о которыхъ мы говорили выше; что такимъ образомъ бро-

сается тѣнь на учрежденія, приносившія университету несомнѣнную пользу; что, наконецъ, тѣмъ самымъ дѣлается упрекъ даже бывшему университетскому начальству, профессорамъ, ректору, попечителю и т. д., которые съ такимъ горячимъ сочувствіемъ относились и къ Сборнику, и къ кас-сѣ, и къ библиотекѣ, и безъ прямаго содѣйствія которыхъ ни одно изъ этихъ учрежденій не могло бы существовать ни одного дня. Такимъ образомъ, вопросъ этотъ слишкомъ важенъ, чтобы о немъ можно было умалчивать такъ долго. До сихъ поръ нельзя сказать словами сколько студенческому предпріятію безъ того, чтобы въ головѣ слушателя не явились тотчасъ же мысль о беспорядкахъ и объ университетѣ «окруженномъ войсками,» и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока «студенческая исторія» не будетъ разъяснена хоть въ общихъ чертахъ. Именно такое разъясненіе мы и попытаемся сдѣлать теперь.

Всѣмъ извѣстно, какъ выработывался университетскій устав 1863 года. Прежде чѣмъ онъ былъ приведенъ въ дѣйствіе, министерство народнаго просвѣщенія предоставило надъ нимъ право критики всѣмъ желающимъ. Проектъ устава былъ разосланъ не только во всѣ высшія учебныя заведенія, какъ русскія, такъ и иностраннѣ, но и въ редакціи всѣхъ periodическихъ изданій, которымъ было предоставлено полное право подвергать этотъ уставъ всестороннему обсужденію. Насколько принесли пользу уставу такія обсужденія—это другой вопросъ; но важно было и то, что новый уставъ ни для кого не былъ неожиданностью; напротивъ, всѣ знали его сущность задолго до приведенія его въ дѣйствіе.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличались тѣ измѣненія въ старыхъ университетскихъ порядкахъ, которые были введены нѣ 1861 году. Производя рѣзкій переломъ въ жизни университета, освященной пятнадцатю давностью, они ни сколько не подготовили двухтысячную массу студентовъ къ этому перелому. Они уничтожали Сборникъ, кассу, библиотеку и, самое главное, значительно ограничили число студентовъ, освобождаемыхъ, по бѣдности, отъ внесения 50 р. въ годъ за слушаніе лекцій. Выше мы упомянули, что студенческая касса привлекала въ петербургскій университетъ огромное число недостаточной молодежи, которая шла учиться, разсчитывая единственно на ея помощь. Небудь кассы—цифра студентовъ была бы меньше, по крайней мѣрѣ, на одну треть. Огромный процентъ бѣдныхъ молодыхъ людей въ средѣ тогдашнихъ студентовъ можно было наблюдать ежедневно: въ университетскихъ аудиторіяхъ рѣзко бросались въ глаза совершенно потертые сюртуки и грязные сапоги, на улицахъ, зимой, постоянно встрѣчались студенты, одѣтые въ дѣтнѣе платье. Не смотря на значительную цифру пособій, производимыхъ кассой, она все-таки была не въ состояніи сдѣлать жизнь бѣдняковъ совершенно счастливою; она, правда, давала имъ возможность имѣть теплый уголь и ежедневный обѣдъ, но была не въ состояніи одѣть ихъ всѣхъ, какъ слѣдуетъ. И вдругъ эта касса, единственная опора нѣсколькихъ десятковъ, а можетъ быть и сотенъ студентовъ, закрывается сразу, неожиданно—и не замѣняется ничѣмъ! Мало того, отъ большаго числа студентовъ, пользовавшихся, по бѣдности, правомъ не платить деньги за слушаніе лекцій—эти деньги немедленно требуются; въ случаѣ же невзыска ихъ, неисправнымъ плательщикамъ грозитъ исключеніе изъ университета. На студентовъ напало всеобщее уныніе; никому не думалось о лекціяхъ и многія аудиторіи совершенно опустѣли. Черезъ нѣсколько времени является длинный списокъ студентовъ, приговренныхъ къ исключенію изъ университета за невзыскость денегъ: студенты приходятъ въ отчаяніе. Они сходятся вмѣстѣ, разсуждаютъ о томъ, какъ выйти изъ такого труднаго положенія, наконецъ, рѣшаются обратиться къ своему ближайшему начальству и откровенно изложить передъ нимъ всю тяжесть своего положенія. Начальство обѣщаетъ внимательно обсудить просьбу студентовъ и сдѣлать все, что возможно.

Между тѣмъ, проходить недѣли, нѣсколько десятковъ молодежи окончательно увольняются изъ университета, а дѣло все стоитъ неподвижно. Студенты снова обращаются къ начальству, снова излагаютъ передъ нимъ неудобства новыхъ

правиль и напоминаютъ ему о данномъ обѣщаніи; но тутъ начальство вдругъ начинаетъ видѣть въ этой настойчивости нѣчто слишкомъ серьезное. Результатомъ такого взгляда является то, что въ одно прекрасное утро студенты, прия въ университетъ, находятъ его запертымъ со всѣхъ сторонъ. Прибитое къ дверямъ объявление говоритъ имъ, что «по случаю беспорядковъ, университетъ закрывается на неопределеннное время». Студенты отправляются съ жалобой къ попечителю округа, попечитель немедленно Ѳдетъ въ университетъ — но всѣ ходы его уже заняты вооруженными солдатами: история «студенческая» сдѣлалась «городской происшествіемъ».

То, что происходило вслѣдъ за этимъ, не соотвѣтствуетъ главной цѣли нашего очерка, и мы проходимъ молчаниемъ два или три мѣсяца, непосредственно слѣдовавшіе за днемъ закрытія университета. Замѣтимъ только, что въ теченіи этого короткаго времени произошло весьма много перемѣнъ въ составѣ какъ университетскаго начальства, такъ и городской администраціи. Необходимо также упомянуть, для подтвержденія всего вышесказанного, объ истинныхъ причинахъ «студенческой истории», что по прошествіи двухъ—трехъ мѣсяцевъ огромная масса студентовъ находилась въ самомъ плачевномъ, нищенскомъ положеніи. Удаленная изъ университета и лишенная всякой помощи со стороны кассы, на которую она такъ разсчитывала, эта масса не знала бы, что съ собой дѣлать, еслибы на помощь къ ней не подоспѣло, съ одной стороны само общество и новая городская администрація, съ другой — новое университетское начальство. Студентамъ дозволено было выбрать изъ себя депутатовъ для сбора пожертвованій и для правильнаго распределенія ихъ между нуждающимися товарищами. Въ то же время желающимъ было предоставлено Ѳхать въ другіе университеты для окончанія курса и даже пользоваться при этомъ казеннымъ пособіемъ. Все это доказываетъ, что материальное положеніе упомянутой массы было дѣйствительно самое плачевное, и что еслибы на это было обращено вниманіе въ свое время, еслибы къ тому же многія лица не видѣли въ поступкахъ студентовъ «организованного, политического движенія» — то никакой бы «исторіи» не было и въ поминѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что ни студенческая касса, ни библіотека, ни Сборникъ не имѣли ни малѣйшаго вліянія на происшедшіе въ университетѣ «беспорядки», и что отвѣтственность за эти послѣдніе никакъ нельзя взваливать на однихъ только студентовъ, и на тѣ учрежденія, которыми они мирно пользовались въ теченіи цѣлыхъ пяти лѣтъ. Такое разясненіе дѣла, хотя и далеко не полное, мы считаемъ важнымъ въ особенности въ томъ отношеніи, что оно, какъ упомянуто выше, совершенно разбиваетъ тѣ сплетни, которыхъ такъ долго ходили въ городѣ и которыхъ неразрывно связали «беспорядки» со студенческой кассой, сходками и т. д. Эта «исторія» была уже настолько давно, что на нее могутъ смотрѣть безпристрастно даже тѣ лица, которыхъ были непосредственно въ ней заинтересованы. Мы увѣрены, что многіе изъ тогдашнихъ студентовъ способны теперь критически отнести къ своей «исторіи» и даже найти въ ней не мало ошибокъ; но мы увѣрены также, что и многія лица сознаются теперь въ томъ, что они «слишкомъ» поторопились придать этой исторіи значеніе политического, государственного преступленія.

Наконецъ, такое разясненіе имѣетъ и чисто практическій, насущный интересъ, въ виду тѣхъ слуховъ, которые заявлены недавно въ нѣкоторыхъ газетахъ о происходившемъ будто бы «движеніи» между нынѣшними студентами петербургскаго университета, предложившими, по словамъ газеты «Вѣсть» обращаться къ начальству съ слѣдующимъ ходатайствомъ: 1) учрежденіе студенческой кассы, завѣдываніе которой находилось бы въ рукахъ самихъ студентовъ и въ которую поступали бы всѣ дѣлаемыя въ пользу недостаточныхъ студентовъ приношенія и сборы съ концертовъ, даваемыхъ съ этою цѣлью; 2) право общихъ студенческихъ сходокъ и 3) учрежденіе собственной студенческой библіотеки, завѣдуемой студентами. «Вѣсть» прибавляетъ, что когда слухъ объ этомъ движениі дошелъ до университетскаго совѣта, то нѣкоторые

его члены считали необходимымъ немедленно исключить изъ университета зачинниковъ и вообще всѣхъ, кто будетъ участвовать въ упомянутомъ ходатайствѣ. Но одинъ профессоръ подалъ мнѣніе, въ которомъ онъ считалъ болѣе полезнымъ — хладнокровно разсмотрѣть студенческія требованія, сдѣлать то, что можно и отвергнуть то, чего сдѣлать нельзя. Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ профессора.

Газета «Вѣсть» съ своей стороны подвергла подробному анализу вышеизложенные пункты студенческаго ходатайства и высказала по каждому изъ нихъ отдельно свое мнѣніе. Мы изложимъ сущность этихъ мнѣній, такъ какъ они выражаютъ собою взглядъ большинства на студенческое ходатайство.

«Вѣсть» старается доказать, что учрежденіе студенческой кассы сопряжено съ значительными неудобствами. Опять показалъ, говорить она, что касса, основанная на такихъ источникахъ, каковы приношенія, концерты въ пользу студентовъ и т. п. могла бы располагать капиталомъ не болѣе 3,000 р. въ годъ — сумма, весьма будто бы незначительная въ виду того, что правительство ежегодно употребляетъ до 40,000 р. на стипендіи недостаточнымъ студентамъ. Кроме того, продолжаетъ «Вѣсть», университетское начальство оказывается единовременнымъ способомъ тѣмъ изъ студентовъ, не получающихъ стипендіи, которые нуждаются въ помощи. Такимъ образомъ, положная сторона студенческой кассы оказывается весьма незначительной, особенно въ сравненіи съ тѣми неудобствами, которыхъ вытекаютъ изъ ея устройства. Во первыхъ, говоритъ «Вѣсть», при существованіи кассы, студенты отвлекаются отъ своихъ занятій, и во вторыхъ, они принуждены составлять сходки, положительно запрещенные закономъ, который однакожъ неизбѣжны для выбора распорядителей кассы и т. п. Между тѣмъ, сходки оказываются неудобными не только потому, что онѣ запрещены закономъ но и потому, что онѣ отвлекаютъ молодежь отъ настоящаго дѣла и способствуютъ различнымъ безплоднымъ и вреднымъ увлеченіямъ. Справедливость подобныхъ предположений, заключаетъ «Вѣсть», подтверждается печальнымъ опытомъ. Такова сущность тѣхъ доводовъ, которыми доказываются неудобства студенческой кассы.

Въ приведенномъ мнѣніи прежде всего бросается въ глаза ссылка на «печальный опытъ». Изъ этого видно, насколько глубоко укоренилась въ обществѣ увѣренность, что студенческая «исторія» 1861 года находится въ связи съ предшествовавшимъ университетскими порядками — настолько глубоко, что открыто высказывается даже въ печати. Мы достаточно ясно показали, въ какой степени справедливо подобное мнѣніе.

Говорятъ, что студенческая касса не можетъ располагать суммой болѣе 3,000 р. въ годъ. Это заключеніе прежде всего совершенно произвольное. Выше мы видѣли, что студенческая касса могла выдать всепомоществованій до 12 тысячъ рублей въ полтора года, то есть, 8 тысячъ въ годъ. Но, если даже допустить цифру и 3,000 р., какъ maximum, все та же далѣко нельзя считать микроскопической, сравнительно съ цифрой 40,000 р. отпускаемыхъ правительствомъ на стипендіи. Она можетъ быть полезна уже въ томъ отношеніи, что избавитъ университетское начальство отъ необходимости ежегодно изъ числа студентовъ нѣсколько человѣкъ за невзносъ 50 рублей, слѣдуемыхъ съ нихъ за право слушать университетскія лекціи. Но кроме того, она можетъ приносить пользу и въ другомъ отношеніи. Въ жизни каждого студента, хотя и не вполнѣ бѣднаго, но не обладающаго значительными средствами и живущаго своимъ трудомъ, очень часто бываютъ случаи, требующіе немедленной денежной помощи. Университетское начальство, сколько намъ извѣстно, при всемъ своемъ желаніи помогать въ такихъ случаяхъ студентамъ, не имѣетъ въ запасѣ такихъ суммъ, которыми свободно можно бы было располагать каждую минуту. Вотъ въ такихъ-то случаяхъ студенческая касса можетъ оказывать неопытнѣнныя услуги молодежи. При томъ же, студентъ, лучше чѣмъ кто бы то ни было изъ начальства, имѣетъ возможность знать настоящія средства своего нуждающагося товарища, и потому, при завѣдываніи кассой самими студентами, оказывается всегда больше

въроятія, что деньги будутъ раздаваться дѣйствительно нуждающимся студентамъ.

Далѣе говоритьъ, что студенческая касса неудобна потому, что она обусловливаетъ собою необходимость сходокъ, которые положительно запрещены закономъ и что странно было бы дѣлать исключение въ пользу учащихся юношей, когда сами ихъ отцы не пользуются такимъ правомъ! Привѣтная къ подобному доводу, противники студенческихъ сходокъ обнаруживаютъ значительную путаницу въ понятіяхъ. Дѣйствительно, сходки, вообще говоря, запрещены въ Россіи; но студенческая сходка, съ цѣлью избранія распорядителей кассы или для выслушанія отчета, не имѣть ничего общаго съ тѣми сходками, «правомъ которыхъ не пользуются отцы». Напротивъ, такимъ правомъ пользуются всѣ, кому только угодно. Что же такое собраніе нашихъ обществъ, какъ не тѣ же сходки, только получившія специальное разрѣшеніе? У насъ не существуетъ политическихъ сходокъ, но сходки филантропическія существуютъ сплошь и рядомъ. Мало того, въ послѣднее время открыто нѣсколько обществъ имѣющихъ отчасти соціально-экономической характеръ, какъ напримѣръ, потребительная общество, разныя сберегательныя кассы и т. п., члены которыхъ собираются для обсужденія своихъ экономическихъ интересовъ. Мы по этому думаемъ, что студенческія сходки по дѣламъ кассы не только не составляли бы исключительного явленія въ Россіи, но, напротивъ, могли бы буквально походить на существующія у насъ общества, которыхъ можно насчитать цѣлыхъ сотни.

Наконецъ, послѣдній доводъ состоить въ томъ, что сходки «отвлекаютъ молодежь отъ настоящаго ея дѣла». Такъ какъ возраженіе это гораздо болѣе голословно, чѣмъ всѣ предыдущія, то и отвѣтъ на него гораздо труднѣе. Мы рѣшились не можемъ объяснить себѣ, почему сходки должны отвлекать студентовъ отъ ихъ занятій. Если въ университетѣ есть нѣсколько дѣльныхъ профессоровъ, способныхъ пріохотить студентовъ къ наукѣ, то они смѣло могутъ не бояться конкуренціи со стороны сходокъ; плохіе же профессора рискуютъ остаться безъ слушателей и тогда, когда никакихъ сходокъ не существуетъ. Все это блистательно подтверждается фактами, отчасти изложенными нами выше, изъ исторіи петербургскаго университета въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Если боятся того, что сходки не происходили во время лекцій и не вводили, такимъ образомъ, студентовъ въ искушеніе, заставляя ихъ мнѣять скучную лекцію профессора-антикварія на живую сходку, то для устраненія этого неудобства, въ рукахъ университетскаго начальства существуетъ такъ много средствъ, и средства эти до того просты, что о нихъ и говорить не стоитъ. Самое простѣйшее изъ нихъ, это—дозволять сходки въ такие часы, когда лекціи не читаются.

Но замѣчательную непослѣдовательность обнаруживаютъ противники студенческихъ сходокъ и кассы, соглашаясь съ тѣмъ, что «вопросъ о студенческой библіотекѣ дѣйствительно имѣть нѣкоторую долю основанія». Университетская библіотека, говорятъ они, выписываетъ всѣ сочиненія и periodicas изданія только въ одномъ экземплярѣ, и при большомъ числѣ требованій, какъ со стороны профессоровъ, такъ и студентовъ, очень часто весьма трудно и даже совершенно невозможно получить необходимое сочиненіе. По этому, заключаютъ они, весьма понятно со стороны студентовъ желаніе составить складчину съ цѣлью выписывать болѣе требуемыя изданія. По нашему мнѣнію, было бы гораздо послѣдовательнѣе, отвергая кассу и сходки, отвергать и библіотеку, потому что она также можетъ подать поводъ къ составленію сходокъ. Вопросы о выборѣ тѣхъ или другихъ изданий, о назначеніи библіотекаря, о приходѣ и расходѣ складчинныхъ денегъ, и многіе другіе, только и могутъ быть решены посредствомъ сходокъ. Слѣдовательно, если дозволительны эти сходки, то почему же не могутъ быть дозволены совершенно однородныя съ ними сходки по дѣламъ кассы? Очевидно, что тутъ заключается явное противорѣчіе.

Такимъ образомъ, если отдать перечисленныя нами студенческія учрежденія отъ того колорита, которымъ онѣ до-

сихъ поръ освѣщались, если показать, что онѣ не имѣютъ ни малѣйшей связи съ студенческой «исторіей» 1861 года и, затѣмъ, если обсудить ихъ совершенно хладнокровно, то и касса, и сходки, и библіотека окажутся учрежденіями не только чрезвычайно полезными въ студенческомъ быту, но и совершенно безопасными въ видахъ университетскаго и общественнаго спокойствія. Это собственно и составляло главную цѣль настоящаго очерка.

Въ заключеніе намъ необходимо упомянуть объ одномъ вопросѣ, естественно вытекающемъ изъ всего, сказаннаго выше, именно: о путяхъ къ достижению того ходатайства студентовъ, которое сдѣлалось известнымъ посредствомъ газетъ. Это вопросъ чрезвычайно важный. Очень легко можетъ случиться, что отъ необдуманнаго и поспѣшнаго спосѣба, къ помощи котораго приѣхали бы студенты, все это простое дѣло можетъ принять совершенно иной характеръ и не только кончиться безуспѣшно собственно для студентовъ, но имѣть самое вредное вліяніе и въ болѣе общемъ смыслѣ. Такимъ образомъ, приступая къ ходатайству о разрѣшеніи имѣть у себя сходки, кассу и библіотеку, студентамъ необходимо вполнѣ уяснить себѣ тогъ исходъ, къ которому можетъ привести подобное ходатайство. Если оно обѣщаетъ кончиться отказомъ, а тѣмъ болѣе, если рискуетъ быть перетолкованнымъ въ неблагопріятномъ для студентовъ смыслѣ, то, разумѣется, его выгоднѣе отложить на нѣкоторое время, потому что дѣлать какойнибудь важный шагъ безъ полной увѣренности въ его успѣхѣ — значитъ руководствоваться принципомъ искусства для искусства. Мы желали бы, чтобы студенты не упускали изъ виду той связи, какая въ нѣкоторыхъ случаяхъ несомнѣнно существуетъ между ихъ частнымъ дѣломъ и дѣломъ всего общества; а всякому известно, что въ дѣлахъ общественныхъ одинъ недостаточно обдуманный шагъ можетъ повлечь за собою цѣлую массу всевозможныхъ неудобствъ и потерь.